

правах.<sup>1</sup> Эти взгляды Б. А. Панченко повторяет и развивает, рассматривая акты отдельных византийских монастырей. Рассмотрев акты, связанные с землевладением монастыря Лемвиотиссы, он приходит к выводу, что в этих документах нет ни общинного землевладения, ни безземельной массы крестьян в прониях, что через два столетия после Македонской династии крестьяне, как свободные так и зависимые от светских прониаров и монастырей, являются полными собственниками,<sup>2</sup> что вся территория монастырского села делилась на собственные дворы (стаσι) с землей париков и на terra indomīicata монастыря. По мнению Б. А. Панченко, ограничения в свободе распоряжения собственностью обусловлены не социально-правовым положением личности собственника, но тягловым характером земли.<sup>3</sup> Запрещение продавать паричские стаσι прониарам и монастырям, по мнению Б. А. Панченко, вызывалось причинами податного, а не личного крепостничества, не нарушавшего якобы права личной и наследственной собственности зависимых париков. Прониары и парики, по схеме Б. А. Панченко, пользовались одинаковыми правами отчуждения и распоряжения своими владениями.<sup>4</sup> Даже пожалования земель монастырю и светским лицам в пронию не колебали, по этой схеме, наследственной или приобретенной собственности париков.<sup>5</sup> Заканчивая свою работу, Б. А. Панченко писал, что „основной идеей аграрной истории Византии должна быть поставлена личная и наследственная (γροικόν) собственность париков, казенных, вотчинных и прониарских“.<sup>6</sup> Поскольку это является центральным вопросом при рассмотрении положения зависимого крестьянства в период поздне-византийского феодализма, нам придется подробно рассмотреть аргументацию Б. А. Панченко, проверить данные относящиеся к крестьянскому землевладению византийских актов и на этой основе сделать выводы о связи между характером крестьянской собственности и формами феодальной зависимости в поздней Византии.

Мы не имеем, конечно, возможности шаг за шагом следить за тем, как трактовал Б. А. Панченко каждый документ, который подвергался его рассмотрению. Для нашей цели будет вполне достаточно, если мы выберем из его работы несколько наиболее характерных примеров, относящихся к той или иной группе интересующих нас вопросов, и подвергнем их внимательному рассмотрению.

Приступая к анализу богатого фонда документов, относящихся к землевладению париков монастыря Лемвиотиссы, наш автор останавливается на описании хода тяжбы, долго тянувшейся из-за крестьянского хорафия некоего Спана. Речь шла о том, принадлежал ли этот участок крестьянину с Вари, где находилось это поле, либо парику с Приновари Спану. В результате длительного обследования было установлено, что спорный участок был огорожен межевными знаками, что, к какому бы селу ни принадлежал его первоначальный собственник, он владел им на основе отдельной, независимой, не ограниченной никакими сроками собственности.<sup>7</sup> Устранение же межевых знаков означало, по мнению Б. А. Панченко, включение хорафия Спана в общую территорию вла-

<sup>1</sup> Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии. София, 1903, стр. VII—VIII.

<sup>2</sup> Там же, стр. 140.

<sup>3</sup> Там же, стр. 141.

<sup>4</sup> Там же, стр. 143.

<sup>5</sup> Там же, стр. 144.

<sup>6</sup> Там же, стр. 233.

<sup>7</sup> Там же, стр. 96.